

Говард Филлипс Лавкрафт

АЛХИМИК

(The Alchemist)

На вершине холма, крутые склоны которого поросли травой, а у подножья сплетает узловатые ветви первозданный лес, стоит древний замок моих предков. Из века в век его зубчатые стены и башни свысока взирают на дикую и суровую местность вокруг холма. Столетиями замок служил пристанищем для горделивого рода, древностью своей превосходящего даже замшелую кладку в основании крепостных стен. Эти стены и башни, выдержавшие немало яростных штурмов, а теперь медленно разрушающиеся под натиском неумолимого времени, в стародавнюю феодальную эпоху славились как одна из самых мощных и неприступных крепостей во всей Франции. Немало воинственных баронов, графов и даже королей обломали зубы об эту твердыню, и ни разу ее просторные залы не слышали тяжелой поступи торжествующего завоевателя.

Однако с тех славных пор очень многое изменилось. Бедность – чтоб не сказать нищета – вкупе с гордостью, не позволявшей потомкам древнего рода унижаться до меркантильных расчетов, привели к тому, что их владения, в прошлом великолепные, постепенно приобрели жалкий вид. Осыпающиеся стены, запущенный парк, грязная яма на месте крепостного рва, щербатая брусчатка двориков и покосившиеся башни вкупе с просевшими полами, источенной червями панельной обшивкой и поблекшими гобеленами во внутренних помещениях свидетельствовали о безвозвратно ушедшем величии. С годами одна за другой приходили в негодность мощные угловые башни, пока в более-менее жилом состоянии не осталась лишь четвертая и последняя из них, приютившая немногочисленных потомков некогда богатых и могущественных властителей.

В одной из огромных и мрачных комнат внутри этой башни девяносто лет назад появился на свет я – Антуан, граф де С., последний потомок этого злосчастного и проклятого рода. Среди этих стен – а также в блужданиях по окрестным дремучим лесам, сырým лощинам и темным гротам – прошли первые годы моей безрадостной жизни. Родителей своих я никогда не знал. Мой отец погиб в возрасте тридцати двух лет, за месяц до моего рождения – ему на голову упал камень, отвалившийся от ветхого парапета в давно заброшенной части замка. Моя мать скончалась при родах, так что я остался на попечении нашего единственного слуги, весьма почтенного старика, которого, сколько помню, звали Пьером. Я был единственным ребенком, и это одиночество еще усугублялось стараниями воспитателя, который всячески препятствовал моему общению со сверстниками – детьми крестьян, чьи фермы были разбросаны по равнине, окружающей замковый холм. В то время Пьер объяснял свой запрет тем, что мне, отпрыску благородного рода, негоже водиться с

простолюдинами. Но теперь-то я знаю, что его настоящей целью было оградить меня от местных преданий о проклятии, лежащем на нашей семье, – преданий, преувеличенно зловещим шепотом пересказываемых по вечерам перед очагами в крестьянских домишках.

Таким образом, предоставленный самому себе, я провел годы за чтением старинных фолиантов, коими изобиловала полутемная библиотека замка, а в перерывах между чтением бесцельно бродил по сумрачному лесу. Неудивительно, что следствием такого времяпрепровождения стала моя неизбывная меланхолия. Мой выбор книг соответствовал моему душевному состоянию: по большей части то были оккультные труды немыслимой давности.

Как ни странно, в семейной библиотеке я нашел очень мало сведений, касающихся моего рода, а немногочисленные документы на сей счет были полны недомолвок и темных намеков. Быть может, именно решительное нежелание моего престарелого наставника обсуждать со мной семейную историю стало причиной страха, который я испытывал перед своим огромным и пустынным обиталищем. Позднее, уже выйдя из детского возраста, я сумел свести воедино обрывки фраз, которые срывались с уст к тому времени совсем одряхлевшего старика. В той или иной степени они касались одного обстоятельства: раннего возраста, в котором уходили из жизни все носители титула графов С. Поначалу я просто решил, что наш род, увы, по каким-то наследственным причинам не относится к числу долгожителей, но, прислушиваясь к бессвязным речам старика, обратил внимание на часто упоминавшееся в них старое проклятие, якобы из-за которого на протяжении столетий ни один граф С. не прожил более тридцати двух лет. В мой двадцать первый день рождения старый Пьер вручил мне документ, который, по его словам, из поколения в поколение передавался в нашей семье от отца к сыну. Станным было содержание этого документа, и оно подтвердило самые мрачные из моих опасений. К тому времени моя вера в сверхъестественное уже пустила достаточно глубокие корни, иначе я бы с пренебрежением отверг эту писанину как невероятный вымысел.

В рукописи шла речь о событиях тринадцатого века, когда замок, в котором я родился и вырос, был еще крепок, грозен и неприступен. В ту пору во владениях графа С. жил один человек низкого происхождения, но высоких амбиций, далеко превосходивший в этом плане всех прочих простолюдинов. Его имя было Мишель, но местные чаще называли его Mauvais, то есть Дурной, ибо он имел весьма зловещую репутацию. Занимался он вещами, далеко не приличествующими простым землепашцам: черной магией, алхимией, поисками философского камня и эликсира бессмертия. У Мишеля имелся сын по имени Шарль, также преуспевший по части запретных знаний и из-за этого получивший прозвище Шарль-колдун. Этой парочки сторонились все честные люди, не без основания подозревая их в делах самого темного свойства. Ходили слухи, что старый Мишель заживо сжег свою жену в качестве жертвоприношения Сатане. Отцу и сыну также приписывали бесследное исчезновение многих крестьянских детей в округе. Единственным относительно светлым лучом на фоне мрака, окутывавшего этих двоих, являлась исступленная любовь, которую старик питал к своему отпрыску, и не менее сильное

ответное чувство последнего, далеко выходящее за рамки обычной сыновней привязанности.

И вот однажды поздним вечером в замке на холме поднялся страшный переполох по причине исчезновения юного Годфри, сына графа Анри. Обыскивая окрестности, обезумевший отец в сопровождении слуг ворвался в хижину колдунов и застал старого Мишеля хлопочущим у огромного котла с каким-то варевом. Не помня себя от гнева и отчаяния, граф набросился на старого колдуна и не разжимал хватки на его горле, пока жертва не испустила дух. А тем временем в замке ликовали, найдя юного Годфри живым и невредимым в одном из дальних, давно не используемых покоев, но посланец с этой радостной вестью прибыл слишком поздно, чтобы предотвратить бессмысленную расправу над стариком. А когда кавалькада с графом во главе покидала хижину алхимиков, за деревьями появилась фигура Шарля. Громкий гомон графской челяди донес до него смысл происшедшего, но он в первый момент как будто бесстрастно воспринял новость о гибели отца. Затем он медленно двинулся по тропе навстречу графу и глухим замогильным голосом произнес проклятие, с той поры преследовавшее род графов С.:

Пусть каждый потомок, возглавив твой род,

Твой нынешний возраст не переживет!

С последними словами Шарль внезапно выхватил из складок своей одежды стеклянный флакон и резким движением выплеснул его содержимое – какую-то бесцветную жидкость – в лицо убийцы своего отца, а после того канул в черноту ночного леса. Граф скончался на месте, не издав ни звука, и был похоронен на следующий день; в ту пору со дня его рождения прошло чуть больше тридцати двух лет. Слуги и крепостные крестьяне долго прочесывали окрестности в поисках убийцы, но напасть на его след не смогли.

В последующие годы никто больше не заводил речь о проклятии, и оно постепенно изгладилось из памяти домочадцев покойного графа. Посему, когда Годфри – невольный виновник той трагедии и носитель графского титула после смерти отца – в возрасте тридцати двух лет погиб на охоте от случайной стрелы, все оплакивавшие эту потерю не связали ее с давними словами Шарля-колдуна. Но когда следующий молодой граф, носивший имя Робер, был найден мертвым в поле близ замка (причем без каких-либо признаков насилия), среди крестьян пошла толки: мол, неспроста ранняя смерть постигла их господина вскоре после того, как он отметил свой тридцать второй день рождения. Луи, сын Робера, утонул в крепостном рву по достижении все того же рокового возраста, и в последующие века скорбный список исправно пополнялся именами все новых Роберов, Анри, Антуанов и Арманов, живших счастливо и достойно, но безвременно ушедших в мир иной с приближением возраста, в котором их предок совершил то злосчастное убийство.

По прочтении рукописи я уверовал в действенность проклятия, а следовательно, и в то, что мне судьбой отмерено еще максимум одиннадцать лет жизни. И эта самая жизнь, совсем недавно не имевшая для меня большой ценности, теперь с каждым днем казалась мне все дороже, меж тем как я все глубже погружался в тайны запретного мира черной магии. Живя отшельником, я не интересовался достижениями современной науки, предпочитая ей Средневековье с его демонологией и алхимией, – то есть занимаясь тем же, чем некогда занимались старый Мишель и его сын Шарль. Однако ни в одном старинном источнике мне не попадались сведения о необычном проклятии, наложенном на мой род. Иной раз я пытался мыслить рационально и искал естественные объяснения череде смертей, в частности предполагая их делом рук Шарля и его потомков. Однако после скрупулезных архивных изысканий я не нашел свидетельств того, что род алхимика был продолжен, и тогда вернулся к оккультным штудиям в надежде отыскать средство, снимающее заклятие. В одном вопросе я был абсолютно тверд: я решил никогда не жениться, чтобы проклятие умерло вместе со мной, ибо в нашем роду больше не было мужских ветвей.

Старый Пьер покинул земную юдоль незадолго до моего тридцатилетия. Я без чьей-либо помощи похоронил его под плитами внутреннего двора, где он при жизни так любил прогуливаться. Отныне я остался единственным человеческим существом в огромной старой крепости и под гнетом одиночества почти смирился в душе с неотвратимостью рока, уготовившего мне скорую кончину по примеру моих предков. Теперь я большую часть времени посвящал обследованию полуразвалившихся и давно заброшенных частей замка, куда боялся заглядывать в юности. Иные из тех помещений, как рассказывал Пьер, уже более четырех столетий не слышали звука людских шагов. Многие из увиденного там внушало трепет. Старинная мебель, покрытая вековым слоем пыли, насквозь прогнила из-за царившей там сырости. Паутина встречалась повсюду в невиданном изобилии, а гигантские нетопыри – единственные обитатели этого мрака – хлопали жуткими костлявыми крыльями при моем приближении.

Теперь я очень внимательно вел счет своим дням и даже часам, поскольку каждое движение маятника массивных часов в библиотеке отмеряло стремительно сокращавшийся срок моей жизни. И вот настали дни, которых я ждал с тревожным предчувствием. Все мои предки умирали незадолго до достижения ими точного возраста графа Анри в день его смерти. Теперь и я приблизился к этому возрасту и был все время настороже – не зная, в каком обличье настигнет меня смерть, но будучи полон решимости встретить ее лицом к лицу, а не как жалкий трус или пассивная жертва. И я с удвоенным рвением продолжал обследовать старый замок.

Событие, решительно изменившее мою жизнь, произошло во время самой длительной из моих вылазок в заброшенные помещения крепости. Согласно расчетам, оставалось менее недели до рокового часа, который ограничивал срок моего земного существования. Большую часть того утра я потратил, карабкаясь вверх и вниз по полуразрушенным лестничным пролетам в одной из башен, сильнее всего пострадавшей от времени. К полудню я добрался до ее самого нижнего уровня, где в Средние века, судя по всему, располагалась темница, а позднее был устроен

пороховой погреб. Я медленно продвигался по осклизлому полу среди стен, покрытых коркой селитряных отложений, а через некоторое время в неверном свете факела увидел перед собой глухую, сочившуюся влагой стену. Я уже было повернул назад, как вдруг заметил небольшой люк в полу прямо у моих ног. Чуть помедлив в нерешительности, я ухватился за кольцо, вделанное в крышку люка, и с огромным трудом его поднял. Из черного провала хлынули удушливые испарения, едва не загасившие мой факел, но я успел разглядеть ведущие вниз каменные ступени. Дождавшись, когда поток зловония ослаб, а факел вновь начал гореть более-менее ровно, я начал спуск. Ступенек оказалось много, а от последней из них начинался узкий, облицованный камнем туннель, который, судя по всему, лежал ниже подножия холма.

Я долго шел по туннелю, пока не уперся в толстую дубовую дверь, влажную, как и все вокруг, и воспротивившуюся моим попыткам ее открыть. Убедившись в тщетности своих усилий, я двинулся обратно по туннелю, но через несколько шагов замер как вкопанный, испытав сильнейшее потрясение, не сравнимое ни с чем дотоле мною пережитым. Я внезапно услышал, как дверь позади меня заскрипела, медленно поворачиваясь на ржавых петлях. Мои чувства в тот момент не поддаются описанию. Одна лишь мысль о возможной встрече с человеком либо призраком в давным-давно заброшенном подземелье замка повергла меня в невообразимый ужас. Когда я наконец преодолел оцепенение и повернулся в сторону звука, мои глаза начали ощутимо вылезать из орбит.

В готической арке дверного проема стоял человек в темном платье средневекового фасона и маленькой шапочке. Его длинные густые волосы и борода были иссиня-черного цвета, лоб казался ненормально большим, впалые щеки покрывала сеть морщин, а кисти длинных рук, узловатые и клешнеобразные, имели мертвенно-бледный, мраморный оттенок, какого я ни разу не видел у людей. Иссохшее тело незнакомца было как-то странно скособочено, при этом почти теряясь в складках его просторного облачения. Но более всего меня поразили его глаза: два провала бездонной черноты, исполненные дикой злобы и ненависти. И эти глаза пристально смотрели на меня, словно намереваясь растерзать в клочья мою душу.

Наконец человек подал голос – резкий, гулкий, дышавший угрозой, – от которого у меня пошли мурашки по коже. Изъяснялся он на вульгарной латыни, бывшей в ходу среди ученых людей Средневековья и в целом неплохо знакомой мне по многочисленным трактатам демонологов и алхимиков того времени. Прежде всего человек-призрак напомнил о проклятии, тяготевшем над моим родом, и о моем близком конце, который был предопределен из-за убийства моим предком старого Мишеля. Далее он принялся со злорадством описывать месть Шарля-колдуна. Он рассказал, как Шарль скрылся в ночном лесу сразу после отмщения графу и как он спустя годы вернулся в эти места, чтобы подстеречь и убить стрелой Годфри, приближавшегося к возрасту, в котором погиб его отец. Он рассказал, как Шарль тайно обосновался в одном из уже тогда забытых замковых подземелий, в дверном проеме которого теперь маячила эта жуткая фигура; он рассказал, как Шарль напал посреди поля на Робера, сына Годфри, и силой влил ему в рот яд, таким образом

умертив его в тридцатидвухлетнем возрасте и продолжив исполнение проклятия. Рассказчик не удосужился прояснить загадку, казавшуюся мне наиболее странной во всей этой истории, а именно: кем и как исполнялось проклятие после смерти Шарля. Вместо этого он пустился в рассуждения об опытах двух алхимиков, отца и сына, особо упирая на попытки Шарля создать эликсир, дарующий вечную жизнь и молодость.

Воодушевление, с которым он говорил об алхимических опытах, на время затмило в его взоре ту яростную ненависть, что так потрясла меня вначале, но затем этот дьявольский блеск объявился вновь. Незнакомец издал мерзкий, по-змеиному шипящий звук и вытащил из складок одежды небольшую склянку, очевидно намереваясь покончить со мной тем же образом, каким поступил с графом Анри Шарль-колдун шестьсот лет назад. Моими дальнейшими действиями руководил исключительно инстинкт самозащиты; преодолев дьявольское оцепенение, которое сковывало меня перед лицом врага, намеревавшегося меня уничтожить, я запустил в него уже почти погасшим факелом. Послышался звон стекла; склянка упала и разбилась на каменном полу у ног незнакомца, чья одежда с неожиданной быстротой занялась странным, почти белым пламенем. Нечеловеческий вопль ужаса и бессильной злобы, исторгнутый незадачливым убийцей, оказался слишком сильным испытанием для моих и без того предельно напряженных нервов, и я без чувств рухнул на скользкие камни туннеля.

Когда я очнулся, вокруг стояла кромешная тьма. Мой разум противился осмыслению происшедшего, но любопытство оказалось сильнее. Кем было это исчадие зла и как этот злодей проник в подвалы замка, мучительно думал я. Почему он хотел отомстить за смерть старого Мишеля и каким образом проклятие исполнялось в течение многих веков, прошедших со времен Шарля-колдуна? Страх смерти более не тяготел надо мной с той минуты, как был повержен источник смертельной угрозы, и теперь во мне разрасталось желание выяснить все о проклятии, столетиями преследовавшем мой род и превратившем последние годы моей жизни в непреходящий кошмар. Итак, решившись разобраться в этом до конца, я вынул из кармана кремень и огниво и зажег свой запасной факел.

Первым, что я увидел в его свете, оказалось обугленное тело незнакомца, черной бесформенной грудой лежавшее на полу. Его жуткие глаза были теперь закрыты. Я поспешил отворотить от него взор и вошел в помещение за дверью, оказавшееся чем-то вроде алхимической лаборатории. В одном из углов были небрежно свалены в кучу бруски желтого металла, ярко засверкавшие, когда я приблизил к ним факел. То могло быть золото, но я даже не попытался в этом удостовериться, все еще находясь под слишком сильным впечатлением от пережитого. В дальнем конце комнаты обнаружилось отверстие, которое вывело меня в один из заросших оврагов, коими изобилует дикий лес у подножия холма. Выяснив теперь, каким образом незнакомец проникал в замок, я возвратился в туннель. Не желая более смотреть на останки, я хотел быстро пройти мимо, но тут послышался слабый звук, как будто указывающий на то, что жизнь еще не окончательно угасла в этом обожженном и скрюченном теле. Преодолев отвращение, я наклонился, чтобы еще раз его оглядеть. В этот самый момент вдруг раскрылись пронзительно-черные глаза – даже более

черные, нежели обугленное лицо, – а растрескавшиеся губы попытались что-то произнести. Я с трудом разобрал только имя «Шарль-колдун» и еще два слова – «годы» и «проклятие», в остальном же смысл его бессвязного бормотания от меня ускользал. Когда он это понял, темный взгляд вспыхнул такой злобой, что я невольно отшатнулся, позабыв о беспомощном состоянии врага.

И тогда этот несчастный, собрав остатки сил и приподняв голову с осклизлых камней пола, к моему ужасу, заговорил громко и вполне отчетливо. Слова его, в каждом из которых чувствовалось отлетавшее дыхание жизни, до сих пор стоят у меня в ушах, отравляя мой покой днем и ночью.

– Глупец! – почти прокричал он. – Ты так и не понял, в чем состоял мой секрет? Твой никчемный умишко так и не смог уяснить, как на протяжении шести веков сбывалось проклятие, наложенное на твой род! Разве я не говорил тебе про эликсир вечной жизни? Тебе до сих пор невдомек, что величайшая тайна алхимии была успешно открыта?! Так слушай же – это я! Я! Это я прожил шесть веков, чтобы мстить, ибо я и есть Шарль-колдун!

Перевод В. Дорогокупли